

Актеры и роли

СЛОВО НАПОЛНЕННОЕ ДО КРАЕВ

Накануне в Драматическом театре шли «Друзья и годы» Л. Зорина. Борис Ильин играл в спектакле Печерского, настоящего коммуниста, человека большой и чистой души. Вряд ли эта роль означала для артиста какой-то новый творческий поворот: материальное ее невелико, Печерский почти не показан в действии. Но то, что делал актер, было согрето таким человеческим теплом, так непосредственно и точно передавало состояние героя, что зал вместе с ним жил его радостями, страдал его болью.

И вот снова раздвигается сербистый занавес. На сцене — драма В. Соловьева «Гибель поэта». Б. Ильин — Геккерен, нидерландский посол, злобный враг, гонитель Пушкина. Не так уж вроде бы даже изменил грим знакомые черты лица, а все словно обернулось в актере иной своей стороной — холодной, глубоко чуждой людям, сидящим в зале.

Есть артисты, которые всю жизнь играют положительных персонажей, есть — которые отрицательных. То есть, играть им приходится в силу обстоятельств и тех, и других, но получаются по-настоящему у них люди одного какого-то плана. Для Бориса Ильина такого деления не существует. Существует другое — то, что сам артист называет обаянием характера: его точность, законченность, наличие в образе своей собственной драматической струны, своей темы.

Сейчас перед зрителями — Геккерен. Слово «обаяние» применительно к нему звучит как-то странно. И все-таки оно присутствует здесь в высокой своей форме — это сила ума, острого, как лезвие ножа, безжалостного. Чем более точно, выпукло передает ее артист, тем большую неприязнь в зале вызывает его герой. Еще вчера, слушая Печерского — Ильина, зрители словно согревались его

мыслями, окрашенными глубокой любовью к людям. Изменилась окраска образа, изменилась актерская интонация — и обаяние мысли перешло в свою противоположность.

Диалог Геккерена и Дантеса (роль его играет В. Сивач) в конце первого акта. Дантес получил вызов Пушкина на дуэль. Посланник озабочен ее последствиями и для себя, и для своего приемного сына. Первые несколько фраз.

Геккерен: — Так что ты скажешь? А?

Дантес: — История вся эта Столь неожиданна и в, в общем, так глупа,

Что я не знаю, шер папа...

Геккерен: — Другого от тебя я и не ждал ответа.

Ах, как произнесена эта последняя фраза! Сколько в ней неприкрытой иронии, сколько нескрываемого презрения к красивому, но недалекому кавалергарду... И тут же — в ответ на готовность Дантеса драться — полный поддельного, именно поддельного изумления вопрос: «Драться?» А вслед за тем произнесенное с расстановкой, чуть буднично и от этого особенно язвительно резюме: «Вот результат общения с лошадьми!»

Стих нередко затрудняет работу актера, его очевидная условность входит подчас в противоречие с живой достоверностью образа. У Ильина стихотворный текст драмы становится как бы подмоганием, с помощью которого артист «строит» образ. Очень тонкий и в данном случае остроумный, стих в совершенном исполнении Ильина звучит так, будто и не по-русски говорит Геккерен, будто идет изящная пикировка в «лучшем французском стиле». И от этого ощущения образ умного, утонченного подлека-дипломата еще точнее встает на свое место.

Барственная интонация, какая-то капризная и высокомерная, найденная актером, словно отсекает все то, что ассоциируется с ролью, сыгранной только вчера Ильиным, с созданным им глубоко человеческим характером. Несколько скупых, точных деталей подчеркивают эту умную, злую барственность. Длинный халат, удлинивший фигуру актера, зализанные на лысине жидкие язычки волос, заострившее лицо бородка... Вот он стоит, чуть подавшись вперед и опершись о кресло. Вот делает

два-три шага, останавливается. В вытянутой руке трубка с длинным, тонким мундштуком. Вскользь, но весьма многозначительно брошенная шуточка о придворных нравах.

Детали грима, пластический рисунок роли, каждый жест, каждое движение, слово органически сливаются, перевоплощая актера в образ. И все-таки в сумме этих выразительных средств слово хочется выделить как главное. В искусстве Ильина оно живет своей особой жизнью, очень емкое, наполненное до краев.

Чем достигает Борис Ильин предельной выразительности слова? Своей отличной актерской техникой? Да, и техникой. Вслушиваясь в его диалог с Дантесом и вдруг замечаешь, что слова у актера звучат как-то необычно — вдруг резкий переход с одной ноты на другую. Очень спокойной перебирает Геккерен — Ильин возможные результаты дуэли, монотонным, вроде бы даже стершимся голосом трезвого, делового человека констатирует: «Еще один — последний случай... Ты будешь Пушкиным...» И неожиданно, резко, как удар бича — «убит!».

Такой вот диссонанс создает совершенно неожиданную выразительность слова. Это от техники. Но главное для актера — живая мысль, в слове воплощенная, оплодотворяющая его.

На одном из представлений «Гибели поэта» Е. С. Захарова, артистка театра, послушав Ильина — Геккерена, спросила меня: — Помните, как в «Кремлевских курантах» Забелин у Ильина произносит слово «электротехника»? Кажется, чего проще — название сугубо технической дисциплины, термин. А Ильин — Забелин берет книгу, держит ее в руке и так говорит это свое — «электротехника»... Выливается вдруг наружу и огромная, гордая любовь инженера к своему делу, и

вера в силы прогресса, и боль не находящего пока еще применения таланта. Через одно это слово раскрываются, наконец, для зрителя судьба инженера Забелина, его возвращение в жизнь.

Не случайно вспоминала Захарова о забелинской «электротехнике» на спектакле, таком далеком от «Кремлевских курантов» и по времени действия, и по героям. В нем проявилась та же живая мысль, поднимающая мастерство актера до степени высшего искусства. Воплощая идею злого, острого, холодно-го ума Геккерена, Ильин показывает: вот кто убил Пушкина: силы более значительные, жестокие, беспощадные, чем красавчик Дантес, оборвали жизнь великого поэта. Это уже не частное исполнительское решение. Это социальное обобщение.

...Подчас на том или ином спектакле видишь, как молодой актер, у которого и способности есть, и силы, и знания, проговаривает, выбалтывает наскорю заученный текст, как малозначительно звучат у него самые значительные слова. И невольно задумываешься о значении наглядного примера, которым может служить Борис Ильин, его высокое искусство перевоплощения в образ.

Р. БУХАРЦЕВ.

* * *

На снимке: Б. ИЛЬИН в роли Геккерена.

Фото Б. Лосева.

